Сафаров Анар

КАК ФИЛОСОФСТВУЮТ ЭЛЕКТРОГИТАРОЙ

Мыслильня
2026

Anareius Sofos

Как философствуют электрогитарой

https://litres.ru/74837122
SelfPub; 2026

Аннотация

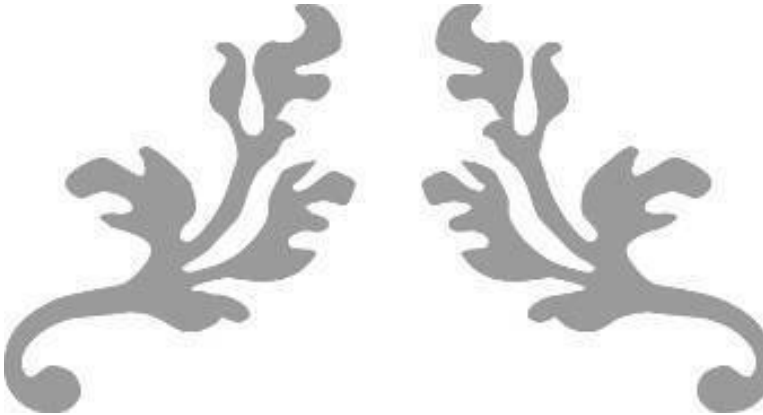
«Как философствуют электрогитарой» — философский дневник духа, запечатлевший интеллектуальное странствие автора. От встречи с великими философскими системами до попытки освободиться от их влияния, от увлечения поиском истины до сомнения в её достижимости — книга прослеживает путь становления самостоятельного мышления.

Четыре раздела образуют своеобразную духовную одиссею: «Духовная Одиссея», «Вопросительный знак», «Грёзы духовидцев» и «Аккорды утверждения». Здесь философские размышления соседствуют с афоризмами, метафизические вопросы — с личными признаниями, а критика устоявшихся убеждений — с попыткой обрести собственное отношение к жизни.

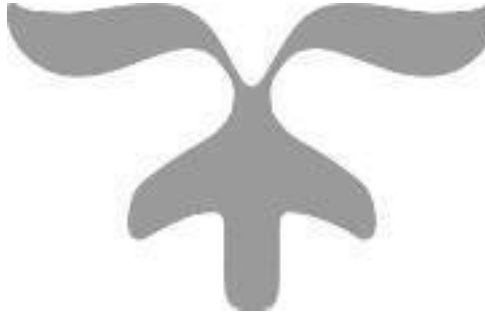
Содержание

Предисловие 6
1. ДУХОВНАЯ ОДИССЕЯ 8
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Anareius Sofos
Как философствуют электрогитарой

КАК ФИЛОСОФСТВУЮТ ЭЛЕКТРОГИТАРОЙ

Сафаров Анар

Мыслильня
2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
1. ДУХОВНАЯ ОДИССЕЯ 5
2. Вопросительный знак 27
3. ГРЕЗЫ ДУХОВИДЦЕВ 47
4. АККОРДЫ УТВЕРЖДЕНИЯ 61

Предисловие

Эта работа — откровение моего духа. В ней я не пощадил никого, в ней я не щадил, в первую очередь, самого себя. — Она написала кровью: это ощущается в каждой строке. Эта работа служит мне освобождением, в ней я стараюсь самоопределиться. Она крайне острая: ее можно воспринимать по разному.

Вся книга была написана в течении почти трех месяцев: это большой промежуток для духа; именно это и позволило ей стать такой многогранной: каждый день знаменовал собой новую темой… Она безвременна: каждый последующий афоризм написан в иное время, нежели предыдущий: это ощущается в стиле написания каждого фрагмента. Эта книга - определенного рода «дневник духа», фиксирование этапа моей жизни. И если можно назвать этот текст трактатом, то трактатом моего духа… В какой-то степени, я осмелюсь назвать эту работу приложением к «феноменологии»… В ней чувствуется дух второй части. В то же время, когда я пишу эти строчки, прошел уже месяц после написания этой книги: я уже перерос ее. Многое мне кажется нуждающимся в переработке и переоценке. Все же, я верю, что эта книга может послужить кому-то вдохновением.

Наконец, в каждой строчке слышится рев электрогитары: где-то слышится минорная тональность, где-то мажорная.

Где-то я воспроизвел целую композицию. Так или иначе, вся эта книга — это рок, — притом рок в двояком смысле…

1. ДУХОВНАЯ ОДИССЕЯ

1

В этом разделе, я хотел бы исследовать свою духовную одиссею — иначе это не назвать: ибо каждый философ мне представлялся уникальным царством со своими уникальными законами — каждое новое странствие от царства к царству вызывало во мне будораживание, прилив сил, переоценку прошлых взглядов… Что ж! Пора мне оценить этот путь моих взглядов. Через призму времени, я хотел бы расставить определенные акценты, метку, символ на каждого философа, я бы хотел понять, что каждый мне из них дал — что каждый из них у меня отнял… Стоит пару слов сказать о том, как я вообще пришел к философии. Это был 2022 год — тогда я пребывал в некотором экзистенциальном кризисе, возможно в чувстве подросткового бунта… В соответствии с этим, я читал книжки, что были пропитаны этим чувством бунта… Такими книжками стали «заводной апельсин», «борцовский клуб», а позже, К зиме 2022 года, когда я уже поступил на первый курс колледжа — «преступление и наказание»… Параллельно с этим, я слушал подкасты, смотрел видео на YouTube, по разным экзистенциальным вопросам… Тогда я познакомился с Ницше. Впрочем, Ницше во мне во многом отзывался, отзывался своей честностью… Хотя оглядываясь сейчас, я могу сказать, что тот

период знакомства с Ницше был слишком вульгарным… После Достоевского я приступил к чтению «Рождения трагедии из духа музыки», или как Ницше еще называет эту книгу: «Эллинство и пессимизм». Примерно тогда же, по рекомендации из ютуба, я начал читать «Феноменологию духа». Из последней я ровным счетом ничего не понял, хотя мне казалось, что я что-то схватываю. Через призму лет, я понимаю, что данное чтиво далеко не для первой философской книги… Более подробно я о «феноменологии духа» расскажу позже. Вернемся к Ницше. От прочитанного в «Рождении трагедии» понял половину… Собственно, это и дало понять, что философия и культура как таковая, требует комплексного подхода, тщательного, поэтапного изучения. Особенно, если я хочу проникнуть и понять… Примерно тогда же, мой замечательный учитель по истории, порекомендовал мне прочесть Платона. Сначала я сомневался, ибо помнил, что Ницше говорил о Сократе и Платоне — все же… Все же! Я купил сборник диалогов Платона, и первым, что я начал читать была «Апология Сократа». Я никогда доселе не испытывал такой восторженности, такого захватывающего чувства, такой радости, такой бодрости и энергии; словно Аполлонический свет проник мне в затворки души, где он смешался с Дионисийским восторгом… Возможно то же самое чувствуют глубоко религиозные люди при чтении библии, возможно, Платон стал на то время для меня своеобразной религией… Да, тогда я влюбился в Сократа и Пла-

тона. Что ж! После такого яркого знакомства с Платоном и началось мое постепенное знакомство с философией и культурой вообще. Я каждый день впитывал тонны информации по западной философии, за три года я добрался от Платона до Шопенгауэра…

2

Платон мне друг, но истина дороже… Так, говорю я теперь, так говорил я и прежде. Я люблю Платона как стилиста, как человека, который передает человеческий дух в пластических оттенках — так он через эти «скульптуры» доносит свои высокие идеи. Если говорить об «Эйдосах» — то уже при первом чтении я видел лишь в них метафору, я никогда не придавался идеализму Платона. Я усвоил от него ценность интеллектуального… возможно именно с Платона я взял тенденцию к приуменьшению всего бытового, отвращение ко всему низкому в человеке. Но когда я пишу эти строчки, я задаюсь вопросом: не стоит ли принять «низменное» как необходимое в человеке? Ибо всякое «высшее», всякий «эйдос» зиждется, как на основании, на инстинктах человека… Я об этом уже говорил в «Clavis Artis»… Внимательный читатель вывел это из моего плана сочинения. Почему я уважал Платона? Я уважал Платона как моралиста. Он привил моему бунтующему духу приличие; это приличие стало моей «строгостью», стало тем страхом и уважением, который испытывает всякий со мной говорящий. Человек современной культуры не понимает моей интеллектуальной серьезно-

сти. Я люблю говорить «Вы», вместо «ты». Человек для меня больше, чем лишь «ты», больше, чем это грубое «тыкание». Я бы отсылал всякого человека на воспитание к Платону. Да, дисциплинировать свои инстинкты нужно уметь всякому культурному человеку. Но в этом есть и свои минусы: Платон меня выдрессировал. Мои Дионисийские инстинкты были укрощены интеллектуальной плетью. Я же хочу, чтобы человек нашел идеальную середину между этими отношениями. Человек — есть ярчайший свет Аполлона и затмевающий, бурный луч Диониса. Только после прочтения Гессе, я начал осознавать этот обман Платона… Но я не могу тем самым опровергнуть для себя Платона. Он стал первым действительным моим воспитателем — от него я получил то воспитание, которое не получил ни от родственников, ни от школьных учителей. Возможно, я бы сгорел бы в своем же пожаре, пожаре отребья и человека decadance, если бы не прошел Академию Платона… Могу ли я позволить себе сегодня серьезное опровержение идей Платона? Вряд ли. Я не с мечом пришел к своему учителю.

3

Аристотель. Я был больше согласен с Аристотелем, чем с Платоном. Во время чтения Аристотеля я был Аристотелеком. Аристотель был для меня свежим глотком воздуха, в Аристотеле я находил трепещущее довершение к Платону. «Никомахова Этика» для меня до сих пор является ценной книгой. Это одна из тех книг, что поменяли мое миро-

воззрение. Согласен ли я сейчас с этой книгой? Однозначно нет. Но это не уменьшает ее ценности для «человека». Я жадно поглощал Аристотеля, мне нравится его «Метафизика», мне нравится его наивная радость «находящего» и «опровергающего» все былое. С него начинается эта тенденция «последнего исследующего»: тенденция и мнение, словно последний философ, наконец нашел истину, он опроверг всех своих предшественников. Впрочем, мне очень близок метод Аристотеля: сначала изучи своих предшественников, прежде чем выстраивать собственное учение. Так я делаю и доселе. Не буду скрывать: в свое время «Органон» принес мне кучу дней головной боли. Но как же эта книга повлияла на мое мышление… Эта одна из тех книг, после которых, человек начинает мыслить иными категориями. Я бы рекомендовал эту книгу всякому смелому уму. Но можем ли мы рассматривать логику Аристотеля как законченную и необходимую? — Я восстал против этого в своей «Феноменологии». Я восстал против всей философии и против всякого знания в своей «Феноменологии»… Сейчас я Аристотеля воспринимаю примерно как дедушку-профессора с фил.кафедры: слишком серьезным, слишком догматичным, слишком далеким от меня… Он многое мне дал: я благодарен. Но я занял по отношению к Аристотелю ту же позицию, что он занял по отношению к Платону. Возможно, Аристотель окончательно превратил меня в догматика… Он отдалил роковой час моего сомнения… Они с Платоном оклеветали софистов… Со-

фисты — тот класс философов, которые до сих пор остаются в тени этих двух догматиков… Нет ничего более неблагодарного в философии, чем отрицательно высказываться о софистах исходя из мнения Аристотеля и Платона… Главное недоразумение, которое подарили нам Аристотель и Платон — это вера в предзаданность вещи: что всякая вещь имеет определенную форму, идею, смысл, суть…

4

Досократики. Пока я читал «Метафизику» Аристотеля, я параллельно изучал досократиков. Что я могу о них сказать? Это отважные, смелейшие, свежие умы. Не стоит их недооценивать исходя из того, что они «самые древние»… Наоборот: поскольку они самые древние, им приходилось изобретать все исходя лишь из себя… Я должен отдать должное Пармениду, Гераклиту и Эмпедоклу… Парменид! Сколь твердым, сколь загадочным кажется и до сих пор это имя. Сколько же в нем было уверенности! — Это вызывает уважение. «Небытия нет», «есть только бытие», следовательно, и «изменения нет, нет движения…» — как пластично, как оттесано это звучит! Тут виднеется рука великого скульптура… Представьте характер этого философа: сколь тверда была его натура! Но возможно, за этой твердостью скрывается страх «преходящность». В этом отношении Гераклит был гораздо честнее. «Становление», «борьба противоположностей», символ «огня»… Возможно он и был учителем моего Прометея… Да, Прометей в третьей части стал на время от-

шельником… Он следовал за Гераклитом. Или, может, наоборот: Гераклит следовал за Прометеем. Кто знает? Довершает этих двоих Эмпедокл… Не иронично ли, что он, как бы, воплощает в себя дуализм: любви и вражды… Он довершает этих двоих. Мне нравится Эмпедокл как воплощение hybris… Тот, кто говорит, что мой Прометей — есть прикрытый Заратустра, тот не понимает моего восхищения античностью… Может сам Заратустра прикрытый Эмпедокл? Что ж! Тут стоит вспомнить Гельдерлина… Сквозь призму времени лишь я начал ценить древнейших из древних… Они до сих пор для меня являются неразгаданными тайнами. В древних чувствуется ледяное дыхание, небесная прохлада, в которой хочется раствориться — идеал этих мудрецов стал легендой…

5

Эллинистический период. Эпикур. Возможно в истории философии не было ни одного философа, которого больше переврали, чем Эпикура… Он незаслуженно был превращен в вульгарного гедониста… Наоборот: Эпикур был анти-гедонистом… Эпикур один из честнейших мыслителей… Он, возможно, тот философ, к которому стоит прислушаться современному поколению. Современность — ищет вульгарных удовольствий… Они избегают всякого страдания… Эпикур учит не тому, как избегать страдания, а тому, что стоит поменять в основе мировоззрения, чтобы страдания не появлялись. Эпикура можно назвать западным Буддой…

6

Патристика. Блаженный Августин и его «Исповедь» для меня воспринимается сейчас не более, чем хорошая литературная работа, отличное эссе, что послужило родоначальником подобного рода трудов… Когда я читал «Исповедь», я проникся словами Августина, я «почувствовал»… Но, меня быстро отпустило. В этих словах виднеется суеверие — оно словно подножка для читающего. Особенно, странно выглядят слова образованного, ищущего мужа и его экстатические переживания… Я до сих пор недоумеваю, как после Аристотеля и Эпикура можно было написать «Исповедь»? — Мне просто в это не верится! Возможно, Августин тот тип мыслителей, что устал от глубинных поисков, он решил, наконец остановится… Его остановка «христианство»… Это обусловлено эпохой, тем вековым знаменьем, что видел сам Августин: падение Рима… Я питаю глубинное подозрение к честности Августина: он бесчестен по отношению к себе. Это видно из его «Исповеди». Он все переврал: он трактовал свою жизнь исходя из своего умственного забвения…

7

Схоластика. Схоластов в истории философии было принято ругать. Я бы хотел сказать, что они лишь глубинно изучали то, что им уже было дано. Неправильно было бы ругать только схоластов, и не ругать их прапрадедов… Схоласты отважные, смелые мыслители, что пытались исследовать «по ту сторону опыта». Суровые, тонкие умы, в которых просле-

живается неистовость… Где еще можно встретить эту пылающую «любовь к истине»? Это была отважная попытка дознаться… Получилось ли у них? Отнюдь. Проблема даже в том, что они даже не заблуждались на свой счет: у них не было возможности рассмотреть себя под другим углом… Им была доступна лишь одна оптика. Они не знали другой изнанки… То, что они запинались об свои же ноги — это проблема вообще целой эпохи… Если взглянуть еще глубже, то сами схоласты являются далекими предками современных ученых. Не запинаются ли и сами ученые об свои же ноги?

8

Бэкон. Бэкон — важная личность в рамках рассмотрения истории философии. Но стоит ли его читать сегодняшнему человеку — вопрос очень спорный. Так или иначе, самое интересное у Бэкона — это первая часть «нового органона» — на всем остальном я практически спал… Четыре идола Бэкона я признаю «несвоевременным» размышлениями… Важность этих четырех идолов в свое время не поняли. Не понял этого и Декарт. Я в своей «феноменологии» по достоинству оценил идеи Бэкона. Вся вторая часть, это раскрытие первого, второго и третьего идола. «Стрелы к современности» — демонстрация четвертого идола. Все же! Бэкон был далек от глубинной задачи моей феноменологии. Бэкон упустил пятый идол: идол истины, идол объективности. Он сам встал на свои же грабли. Бэкон встал на правильный путь, но оглядываясь назад, мы можем смело сказать, что мы — феномено-

логи, стоим на сто ступеней выше. Я своей феноменологией опроверг вообще всякого идола. Возможно, даже мою «Феноменологию» — можно назвать «новейший органон»…

9

Декарт. Декарт сделал важный шаг: он обратил внимание на «субъекта». Это был поворотный момент в философии нового времени. Сам Декарт попытался провести переоценку средневековой философии. Для этого он попытался усомниться в каждом положении — очистить свой ум от всякой догматики. Он постарался найти самое достоверное положение, самое истинное и непогрешимое: «Cogito, ergo, sum». Далее, продолжил развивать эту мысль о важности «cogito»… Этот скептик, этот сомневающийся в догматике, с помощью положения «cogito, ergo, sum» вывел бытие Бога… Что ж! Субъект Декарту нужен был лишь для того, чтобы вывести «объект». Когда он был достигнут, Декарт больше не возвращался к субъекту — Декарт не продолжил рассматривать субъекта и его способности. Если говорить об онтологическом доказательстве бытия Бога — то оно мне кажется очень смешным. Мне сейчас кажется вообще, Бог смешным…

10

Спиноза. Уважаемый друг! У меня с ним сложные отношения: с непонятности, с подозрения о наивном рационализме — до крайней любви, и в конце-концов, до принятия того, что время Спинозы для меня пришло. Когда я впервые

читал «этику» — везде я находил недостаточность оснований; эта недостаточность истекала из моего эмпирического взгляда: в то время я был материалистом, крайним саентистом; все идеалистическое я воспринимал в штыки. С такой позиции я не понял Спинозу. Чтобы читать Спинозу, сегодня нужно быть не плоским, разносторонним умом. К Спинозе я вернулся уже после Канта. В то время, я уничтожил уже материалистический и саентистский свой взгляд — я сам дошел до некоторого пантеизма. В то время, я начал читать биографию Спинозы, я перечитывал «этику» несколько раз. Я не мог поверить: Спиноза оказался глубже глубин; его позиция по отношению к морали, его отношение по отношению к бытию — были революционны для своего времени. Метафизические положения Спинозы в то время я считал «золотыми находками», путем к блаженству… ах, я уже становился идеалистом, и я отвергал идеализм… Да, возможно в то роковое время, я искал путь забвению, путь к «блаженству. Параллельно я изучал еще и буддизм. Что ж! Прошло время — я признаю: я тогда проявил интеллектуальную слабость, я искал покоя, «дом» — я после трехлетнего плавания, хотел остановиться у «берега блаженных»… «Созерцание», «любовь к Богу» — это лишь фикция, самообман, еще одна молитва, греза о живом слиянии с «вечным». Спиноза был противником Христианства и Иудаизма: он видел моральное и метафизическое заблуждение. В этом он мой друг. Но что же сделал сам Спиноза? — Он перенял глав-

ные ценности у Христиан, он сам желал казаться святым, — святым, но без христианского Бога. Заместо молитвы, заместо «общения с Богом», он изобрел «созерцание, интеллектуальную любовь к Богу», он прибегал к насильственно-невролгическому культивированию блаженства. Мне кажется, что он сам пытался создать свою религию, хотел возвести свой культ… Через опровержение иудаизма, критики торы, через бунт против христианства он хотел выставить себя мучеником, отверженным. Метка «борца за истину», «победоносца над массовым заблуждением», должна была придать ему авторитета в глазах следующего поколения… Так то оно возможно и было бы, если бы не «реформация», не новое возрождение христианства. Что ж! Хорошо, что Спинозизм не стал новой религией. Мой молот этого не вытерпел бы. Таково мое видение на Спинозу…

11

Локк. Локк в свое время повлиял на меня, повлиял на мою «феноменологию». Это видно из первой части. То, что я сейчас считаю Локка скучным — это вытекает из того, что я поднялся выше его. Мне нет надобности возвращаться в прошлое…

12

Юм. Возможно с Юма и началась моя критика «науки»… Юм дал мне много пищи для скептицизма. Юм не покидал меня и при чтении Канта. Недавно кто-то мне сказал, что мои феноменологические наработки похожи на идеи Юма.

Что ж! Меня не поняли, хотя я не отрицаю его влияние на меня. Возможно, каждому саентисту надо пройти школу Юма, посмотреть на все через «основания»… Эту возможность я даю каждому читателю во второй части «феноменологии». Юм — еще одна такая возможность. Да, примерно с Юма, я стал скептиком. Я нырял даже глубже в этом отношении, нежели Юм. Что ж! Являюсь ли я сейчас скептиком? — Я считаю, что долгое пребывание в скептицизме говорит о трусости — трусости перед утверждением. Интересный факт: изначально идея моей «феноменологии» была привести к тому, что «скептицизм» необходим. Сейчас я понимаю, что «скептицизм» — жизнеотрицание, плоскость из которой видно основания, но скептику нет дела до этих оснований — он закрывает на них глаза… Скептицизм — неплодотворен. Это стоит признать даже в ущерб Шадову. Александр Шадов в философии видит игру. Что ж! Путь играется! — Прочь от богов, прочь от нигилизма, прочь от скептицизма. Моя душа желает утверждений! Тут же я упомяну Беркли… Беркли было интересно читать, но на полном серьезе рассматривать его позицию — мне кажется, безумием. Сколько же там тезисов, с которыми я не согласен!

13

Наука. Саентизм. Если говорить о моем саентизме, о вере в науку, о вере в прогресс, о том, что я искал всех объяснений в современной парадигме — то это мое недоразумение, интеллектуальная неопытность, далекое прошлое… Я

это более глубинно разобрал уже в своей «феноменологии», но скажу еще так: «наука» лишь еще одно феноменологическое поле, притом, что об истинности этого феноменального поля исходят из того, что наука продуктивна в рамках технологий; исходят из того, что наука сегодня пользуется спросом — мнят, что она выстояла перед философией и религией — а следовательно, она истинна. Всякий глубокий ум видит, сколько недостатков в научном знании. Это видно всякому, кто знает историю знания. Многие и во многом «верят» науке — они сами не дознавались до предмета изучения науки. Но всякий кто дознается, видит сколько дыр они заделали скотчем. И вот я вижу, что скоро скотч отклеиться: всем будет видно, что «наука» лишь «маскирует», «заделывает», а не решает проблемы. Мы философы — лишь мы одни видим основания оснований. Если говорить отдельно об материализме — веру в «материю», то в сущности, это недалеко от «идеализма». «Материя» — абстрактное понятие, что измыслили ученые (а ранее, философы) в рамках своей парадигмы. «Материя» как таковая — это еще одно философское заблуждение, пытающееся казаться истиной за счет того, что якобы мы «видим материю». Скажу одно: я вижу вещи, но не «материю» — «материя» это мысленная абстракция — такая же абстракция, как «Бог», как «идея». В самом деле, разве «материя» — есть нечто большее, чем еще одна «идея»? По крайне мере, так говорит моя «феноменология». Я вижу в «науке» еще один идол, еще один пережиток прошлого, что

наука таит в себе: это вера в «истину». Ученые, кажутся мне детьми, которые не хотят покидать своих игрушек. Особенно, посмотрите на Панчина. Этот человек пытается утвердиться за другой счет: он пытается исходя из «истинности» науки, утвердить свою ценность; он видит себя новым «мессией» — достигшим, наконец, истину о мире. Что ж! Так говорит всякий незрячий. Ученым нужно научиться смотреть глазами философа. Но можно ли этому научиться?

14

Кант. Когда я изучал новое время — я грезил о чтении Канта. Он везде являлся как «разрешитель вековой традиции». Мне даже снился сон: я общался с Кантом… Что ж! Я очень аккуратно, скрупулёзно подходил к Канту, и в самом деле, в конце концов, он меня поразил… В самом деле, я был восхищен «критикой чистого разума» — она надолго захватило мое сердце и ум… После, я прочитал остальные две критики, и у меня не вызывало подозрения та метафизическая-этическая уловка, что была присуща всем этическим (практическим) трудам Канта. Отдам должное еще в одном Канту: именно он побудил меня написать мою «феноменологию». Я думаю, всякий читатель, что прочитал и «критику чистого разума» и мою «феноменологию» обратил внимание на терминологию. Я не ругаю себя за это взаимствование: в этом ключе, я довершил и показал противоречия внутри философии Канта — показал, исходя из его же терминологии. Мне нравилось быть интеллектуальным педантом при

чтении Канта. Даже когда я писал «рациональную механику» (ныне «феноменология») — я подходил очень строго, очень пластично. Возможно, если бы я сейчас писал первую часть, то вышло бы совсем иное. Характер моей «феноменологии» крайне изменился ко второй части: она написана спустя год. Вторая часть продукт 15 дней… Но вернемся к Кенигсбергскому (ныне Калининградскому — как гордятся Россияне) мыслителю. Я прочитал множество произведений Канта. Но критиковать его начал уже после прочтения (как бывает у меня со всяким философом). Начал я с его «критики чистого разума». Я рассуждал так: Кант запрещает выход за рамки опыта: он ограничивает наше познание исходя из категорий рассудка и способностей разума. Однако, Кант не подозревал того факта, что когда он постановлял трансцендентальные способности — он тем самым, выходил за рамки опыта. Критицизм постановляет запрет на выходы за рамки опыта, а тем самым, он постановляет запрет сам себе. Как можно подтвердить существование категорий рассудка? — Исходя из таблицы логический категорий! — Прекрасная дедукция профессор Кант! Исходя из языковых категорий, постулировать эпистемологические, рассудочные законы… Впрочем, в этом весь Кант. Я до сих пор с душевным трепетом отношусь к «критике чистого разума», как к великому труду. Но я питаю крепкую ненависть к «критике практического разума». Этот труд пытается доказать абсолютный, моральный закон… Это скрытое христианство — Кант - Иисус

в маске. Тут же он постулирует бытие Бога… Что за недоразумение! Мне порой не верится, что эти два труда написал один и тот же человек… Тут появляется разрушительная попытка свести сложную систему морали к единственному, универсальному принципу… Но тем самым, Кант уже пытался утвердить не универсальный принцип, а лишь свой, индивидуальный принцип. Этот физически недомогающий гений, попытался утвердить себя в моральном поле: он хотел навязать всему живущему свою волю! — Стоит ли говорить, что всякое живое противоречит его воли? — Посмотрите как педантично жил Кант: он ограничивал себя во всем, он контролировал каждый свой шаг. Кажется, что он сделал из своей жизни тюрьму. Решетками выступил сам категорический императив. Кант жизнеотрицающ. Он упраздняет всякое экстатическое начало, он презирает «животное» в человеке. Но человек необходимо животное. Кант, следовательно, глубоко в душе презирал человека… Кант в какое-то время, вызвал во мне «ступор» моей души. Я сам хотел заколотить себя. Примечательно, что в тот же период, я продал электрогитару. Я перестал быть музыкантом. Сейчас я понимаю: это был симптом моего душевного упадка. Я необходимо являюсь Аполлоническим вестником в Дионинисийкой форме. Что это значит? — Игра на струнном инструменте, что вселяет в душу сумрак Диониса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.